В.В. Вольчик
д.э.н., профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ИДЕОЛОГИИ В ДИСКУРСАХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКОНОМИСТОВ (по материалам фокус-групп)[1]

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологий в дискурсе российского академического сообщества экономистов. Идеология рассматривается в шумпетерианской традиции как неустранимый «донаучный когнитивный акт», который оказывает влияние на экономическое моделирование и содержание образовательных курсов. Эмпирическую базу составили материалы трёх фокус-групп, проведённых в апреле–июне 2026 г. с участием 24 представителей академического сообщества из шести федеральных округов России. Транскрипты фокус-групп анализировались с применением латентного тематического анализа, ориентированного на выявление имплицитных ценностных установок, концептуальных рамок и организующих смыслов высказываний респондентов. В ходе анализа транскриптов фокус-групп были выделены следующие шесть тем: идеологизация против научной нейтральности, идентичность и поиск «особого пути», границы государственного вмешательства и идеологии, экономический и технологический суверенитет, эволюция академической среды и экономического образования, идеология и интернационализация экономической науки. Показано, что участники фокус-групп, как правило, не рассматривают идеологию исключительно в качестве внешнего по отношению к науке искажающего фактора. Идеология понимается ими одновременно как неизбежная рамка экономического познания, потенциальный источник ограничений и возможный стимул к развитию новых исследовательских направлений. В дискурсе экономистов преобладают не изолированные идеологические позиции, а сочетания различных идеальных типов идеологий. Исследование открывает новые перспективы для изучения влияния идеологических факторов на развитие научных школ и образовательных практик. Подчёркивается необходимость исследований идеологических оснований экономического знания, развития теоретического плюрализма и расширения диалога между различными направлениями российской экономической науки.

Ключевые слова: *экономические идеологии, российская экономическая наука, тематический анализ, научный дискурс, теоретические нарративы, экономическое образование.*
JEL: A14, A22, B41
УДК: 330.101
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_21_36
© В.В. Вольчик, 2026
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вольчик В.В.* Идеологии в дискурсах академических экономистов (по материалам фокус-групп // Вопросы теоретической экономики. 2026. №4. С. 21–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_21_36.
FOR CITATION: *Volchik V.* Ideologies in the Discourses of Academic Economists (Based on Focus Group Data) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 21–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_21_36.

[1] Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда No. 24-18-00665, https://rscf.ru/project/24-18-00665/. «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

В общественных науках нередко сосуществуют и, более того, попадают в учебники теории и высказывания, которые дают диаметрально противоположные объяснения тем или иным хозяйственным феноменам [*Ореховский, Разумов*, 2025]. Разногласия между экономистами, которые принадлежат разным школам, могут усиливаться по идеологическим основаниям. Зачастую проникновение идеологии в экономическую теорию происходит через «фундаментальные парадигмы» [*Samuels*, 1992].

В сложные времена для формирования конструктивной экономической повестки идеологические и групповые разногласия можно сглаживать. Для этого важно понимать, какие из комбинаций идеологических типов предлагают релевантные «ментальные модели» [*North*, 1994. P. 363] для объяснения происходящих процессов при разработке стратегий развития. Наше исследование идеологий направлено на выявление комбинаций идеальных типов идеологий в работах и дискурсах учёных-экономистов.

Исследования по методологии и истории экономической мысли позволяют в явном виде показать, как идеологические предпочтения, будучи «донаучными когнитивными актами», влияют на развитие социальных наук вообще и экономической науки в частности [*Ross*, 1991; *Klein*, 2013]. Экономическая наука в своей истории знает немало периодов, когда именно идеологические основания оказывались в основе возникновения новых теорий и научных школ.

Культурный контекст и доминирующие в явной или неявной формах идеологии значительно влияли на формирование «канона» экономической науки, который обычно относят к её мейнстриму: «…та версия экономической науки, которая стала преобладать в XX веке, была сформирована тем специфическим американским культурным контекстом, в котором она развивалась. Этот контекст поощрял экономическую науку, которая имитировала скорее естественные, чем исторические науки и была глубоко укоренена в классической идеологии либерального индивидуализма» [*Бегельсдайк, Маселанд*, 2016. С. 144]. Доминирование канона экономической науки как варианта естественных дисциплин значительно укрепилось за последние десятилетия. Мировая экономическая наука характеризуется значительной степенью концентрации (по сравнению с другими социальными дисциплинами), которая характеризуется подавляющим лидерством узкого круга журналов, научных институтов и региональных центров, что приводит к интеллектуальной блокировке (intellectual lock-in) её развития [*Glötzl, Aigner*, 2019. P. 400]. Региональные исследования, например развития немецкоязычной экономической науки, подтверждают эту тенденцию доминирования неоклассического мейнстрима и маргинализации гетеродоксальных и плюралистических направлений [*Kapeller, Puehringer, Grimm*, 2022].

Господствующая идеология в экономической теории создаёт среду, в которой развиваются различного рода барьеры для распространения идей, не соответствующих мейнстриму: «Возникает вопрос, почему одни идеи, созданные в академической среде, считаются приемлемыми, а другие — маргинальными. Миром могут править идеи, но это не означает, что им правят любые идеи. Нам всё ещё необходимо задаться вопросом, что придаёт одним экономическим идеям “жизнеспособность”, а другим ставит препятствия для их реализации» [*Skidelsky*, 2020. P. 130].

На практике довольно сложно отделить «идеологические» и «методологические» составляющие «донаучных когнитивных актов» [*Шумпетер*, 2012], которые рутинно используются учёными. Поэтому идеологические и методологические убеждения экономистов могут влиять на «видение экономики при построении моделей» [*Тамбовцев*, 2024. С. 11] или возникновение различных форм «однобокого анализа экономической реальности» [*Ананьин*, 2009. С. 137].

В экономической науке в её мейнстримном варианте используемый научный метод стал главным аргументом в плане стремления к получению «объективной картины» в противовес различного рода идеологическим искажениям. Однако, несмотря на декларации в неидеологизированности «настоящей науки», вопрос об идеологической направленности экономической науки по-прежнему остаётся в научной повестке: «Связь между идеологией и экономической наукой сложна. Дело не в том, что идеология искажает выводы аргумента. Скорее она вторгается в саму структуру или "моделирование" аргумента — в основные предположения (равновесие, оптимизация), выбор изучаемой проблемы, выбор соответствующих переменных, отбор данных, выбор одной модели вместо другой: короче говоря, в исследовательские программы, которые проводят экономисты. Таким образом, экономическая наука может демонстрировать сильную идеологическую направленность, придерживаясь при этом общепринятых канонов научного исследования. Её научный метод защищал от обвинений в идеологической предвзятости или подчинении власти» [*Skidelsky*, 2020. P. 136].

В академическом сообществе экономистов существуют различные каналы коммуникации, по которым идёт распространение «видения экономики при построении моделей», что связано с развитием как теоретических, так и идеологических дискуссий. Понимать современное состояние сообщества российских экономистов важно также для правильной оценки идеологических течений и их связи с распространёнными теоретическими нарративами.

На развитие российского академического сообщества экономистов также оказывают влияние идеологические убеждения. Влияние идеологии может быть явным и латентным. Формирование научных школ, различных объединений или ассоциаций может быть связано с различными комбинациями идеальных идеологических типов. Однако необходимо отметить, что разнообразие экономических идеологий позволяет сохранять конкуренцию идей.

В известном исследовании Филиппа Тетлока было выявлено, что эксперты, которые зарабатывали на жизнь анализом политических и экономических тенденций, лучше справлялись с прогнозами, если шире использовали аналитические инструменты и демонстрировали более широкий кругозор и более «эклектичные» подходы [*Tetlock*, 2005]. Идеологические убеждения также играли значимую роль в прогнозировании, и такие убеждения были ярче выражены у экспертов, придерживающихся «больших идей» и менее склонных к плюрализму в использовании различных подходов: «Некоторые [эксперты] были социалистами (предпочитавшими государственный контроль над стратегически важными направлениями экономики), другие — фундаменталистами свободного рынка (сторонниками минимального регулирования). Какими бы ни были их идеологические отличия, объединяла всех экспертов крайняя идеологизированность мышления. Они пытались уместить комплексные проблемы в облюбованные ими причинно-следственные шаблоны, а всё, что не помещалось, отбрасывали как помехи, не имеющие отношения к делу. Категорически не приемля неопределённость, они толкали свои аналитические выкладки к границе (а иногда и выталкивали за неё), используя термины вроде "кроме этого" и "более того" и складывая одну на другую причины, по которым они должны быть непременно правы, а остальные — ошибаться. В результате эксперты были необычайно уверены в себе и имели большую склонность объявлять вещи "невозможными" или "непременными"» [*Tetlock, Gardner*, 2015. P. 68-69].

В рамках дискурса о кризисе экономической науки (включая работы о кризисе отечественной экономической теории) сохраняется стабильный интерес к обсуждению этой темы со стороны академических экономистов [*Полтерович*, 1998; *Колодко*, 2011; *Сухих*, 2025]. Проявления такого дискурса о кризисе также разнообразны, но наиболее интересны предлагаемые варианты преодоления кризиса. Например, в работе академика

В.М. Полтеровича предлагается развитие междисциплинарности и движение к «становлению общего социального анализа» [*Полтерович*, 2011]. Но становлению общего социального анализа должны соответствовать процессы в самой экономической науке, где существуют иногда непреодолимые барьеры между мейнстримом и гетеродоксальными теориями. И экономические идеологии играют значимую роль в возникновении и сохранении таких барьеров.

Влияние идеологии на восприятие экономических процессов можно сравнить со своеобразными когнитивными искажениями [*Вольчик*, 2025]. Вопрос, однако, осложняется тем, что такие когнитивные искажения нельзя полностью элиминировать. Поэтому мы выделяем идеальные типы идеологий: неолиберализм, социализм, «особый путь», дирижизм и экологизм [*Вольчик, Маслюкова, Марьян, Скрябин*, 2024], которые могут составлять комбинации, позволяющие лучше адаптировать «донаучные когнитивные акты» к восприятию и анализу сложных динамических экономических процессов.

При анализе идеологий важное значение приобретает фактор влияния специфических установок и практик, которые приняты в сообществе экономистов. В российских условиях сообщество академических экономистов на протяжении постсоветского периода развивалось по своей специфической траектории. Наверное, основным отличием российского академического сообщества экономистов (РАСЭ) от «общемировой тенденции» стало доминирование последователей гетеродоксальных школ, которые согласно исследованию А.А. Мальцева, в своей самоидентификации значительно превосходят (39,6%) представителей мейнстрима (25,7%) [*Мальцев*, 2016. С. 143]. По сути взаимодействия между представителями мейнстрима и гетеродоксами в практике российского научного сообщества можно описать известной цитатой Дж. М. Кейнса из его дискуссии с Я. Тинбергеном: «Профессор Тинберген несколько раз призывает меня самостоятельно приготовить (или, возможно, съесть?) пудинг перед тем, как объявлять, что он несъедобен» [*Кейнс*, С. 2007. С. 59]. Современные вызовы и инерционные идеологические убеждения только осложняют диалог между мейнстримом и гетеродоксами. В этом контексте можно констатировать, что сохраняется актуальным вопрос о формировании консенсуса в рядах РАСЭ, о котором Мальцев писал ещё в 2016 г.: «Основная линия разлома внутри российского сообщества экономистов проходит по вопросу о возможности/невозможности выработать национально “заземлённые” экономические концепции. Одной из причин образования этой “трещины” представляется слабая интернационализированность РАСЭ, из-за чего ряд его представителей видят современную экономическую науку в искажённом отражении, толкающем их в плен странных представлений, будто “после Маркса, Энгельса, Цаголова, Кейнса не было ни одного учёного”, и будирующего в них необходимость возврата к “безупречным” теориям прошлого, скажем “к науке, которой является политическая экономия цаголовского разлива”» [*Мальцев*, 2016. С. 143]. Однако основной причиной в современных условиях вряд ли является «слабая интернационализированность РАСЭ». Дальнейший анализ высказываний респондентов фокус-групп показывает, что хотя проблема интернационализации экономической науки затрагивается, она не считается ключевой.

Негативное отношение в сообществе академических экономистов к различного рода идеологиям, в частности, обусловлено тем, что это отдаляет нас от идеала нормальной науки. Силу идеи нормальности также укрепляет использование теоретического нарратива «нормальной страны» [*Shleifer, Treisman*, 2003. P. 37]. Опыт проведения рыночных реформ показывает, что идеология как донаучный когнитивный акт может оказывать влияние на выбор той или иной колеи, ведущей к «нормальной стране» или «особому пути» [*Вольчик*, 2026]. Теоретический нарратив «нормальной страны» очень устойчив и часто используется в явном и неявном виде в научных дискуссиях. Вот пример использования такого нарратива в реплике Л.М. Григорьева на заседании Никитского клуба: «У меня буквально пару

месяцев назад одна учёная дама спрашивает: “Вот вы знаете про мировую экономику, а про Россию-то знаете?” Я говорю, а что тут особенного-то? Ну, среднеразвитая страна с перекосом в сырьевых олигархах, с энергетическим экспортом. Ну, единственное отклонение от нормы — это слишком высокий человеческий капитал, который неистребим, потому что воспроизводится без приказа, сам» [*Никитский клуб*, 2026. С. 51].

В данной статье мы на материалах трёх фокус-групп с российскими учёными- экономистами покажем, какие темы, нарративы и значимые вопросы рассматриваются в контексте проблематики идеологии в современной российской экономической науке.

Методы и эмпирическая база исследования

Применение метода фокус-групп оправдано, когда изучаемые вопросы или концепции могут быть по-разному истолкованы разными людьми [*Cyr*, 2024. P. 222]. Фокус-группы не только облегчают достижение более глубокого понимания рассматриваемых процессов [*Kamberelis, Dimitriadis*, 2013. P. 41], но, что особенно важно, в них могут вырабатываться солидарные, объединяющие решения для сложных вопросов [*Kamberelis, Dimitriadis*, 2013. P. 57].

Большие текстовые массивы предполагают использование различных подходов к анализу текста при помощи качественных методов [*Stueber*, 2019]. В последние годы получил распространение так называемый «тематический анализ», предполагающий активное участие исследователя в интерпретации рассматриваемых качественных данных [*Braun, Clarke*, 2022. P. 8]. Отличительная черта данного подхода — гибкость, которая позволяет применять его в рамках различных теоретических построений, широком круге исследовательских вопросов и размеров выборки [*Kiger, Varpio*, 2020. P. 848]. Например, тематический анализ широко применяется в экономических исследованиях [*Mahmood et al*, 2021; *Chaiechi, Eijdenberg*, 2022; *Srtang, Che, Vajjhala*, 2022], исследованиях в рамках методологии других общественных наук [*Riggs, Bartholomaeus, Due*, 2016; *Drápal, Westermann, Savelka*, 2023], а также медицинских качественных исследованиях [*Joffe,* 2011; *Ahmed et al*, 2025].

Тематический анализ дает возможность обобщать и объединять представления респондентов в «узнаваемые паттерны» [*Lochmiller*, 2021. P. 2031], выявляя закономерности в имеющихся данных для последующего анализа [*Kutsyuruba*, 2023. P. 143]. Теоретизирование происходит по мере того, как исследователи рассматривают способы поддержки, опровержения, уточнения или расширения рассматриваемой темы [*Fife, Gossner*, 2024]. Анализ отдельных тем, которые организуются вокруг ограниченного числа фундаментальных понятий, касающихся объектов, отношений и процессов, позволяет формировать особое «концептуальное пространство» [*Агацци*, 2017. С. 211–212; 227]. В контексте нашего исследования это означает, что выделение тем способствует выявлению теоретических нарративов и соответствующих им экономических идеологий. В ходе анализа транскриптов фокус-групп использовалось латентное кодирование, основанное на имплицитных предположениях и ценностных установках, которые стоят за буквальными высказываниями респондентов. Такой подход позволяет фокусироваться на концептуальном уровне смыслов высказываний респондентов [*Braun, Clarke*, 2022. P. 57–58]. Каждая тема характеризуется центральным организующим концептом и теоретическими нарративами.

Источником данных для анализа послужили фокус-группы, которые проводились с апреля по июнь 2026 г. Всего было проведено три фокус-группы по 8 человек: одна фокус-группа проводилась очно, а две в онлайн-формате. Средняя продолжительность фокус-группы 1 час 40 минут.

Отбор респондентов осуществлялся методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling — табл. 1), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples) [*Watters, Biernacki*, 1989; *Heckathorn, Cameron*, 2017].

Таблица 1
Характеристики респондентов фокус-групп

Географические характеристики	ЦФО — 6 чел. СЗФО — 2 чел. ЮФО — 8 чел. СКФО — 2 чел. УФО — 1 чел. СФО — 5 чел.
Возрастные характеристики	До 35 лет — 1 чел. 36–59 лет — 16 чел. Старше 60 лет — 7 чел.
Гендерные характеристики	Мужчины — 11 чел. Женщины — 13 чел.
Научные степени	Кандидаты наук — 16 чел. Доктора наук — 8 чел.
Аффилиация	Сотрудники вузов — 22 чел. Сотрудники РАН — 2 чел.
Всего	24 человека

Источник: составлено автором.

Фокус-группы проводились до достижения точки насыщения, когда количество получаемой новой информации делает дальнейшее проведение сбора данных нецелесообразным [*Квале*, 2003. С. 106].

Идеологический дискурс и тематический анализ фокус-групп

В ходе анализа транскриптов фокус-групп были выделены следующие шесть тем: идеологизация против научной нейтральности, идентичность и поиск «особого пути», границы государственного вмешательства и идеологии, экономический и технологический суверенитет, эволюция академической среды и экономического образования, идеология и интернационализация экономической науки. Рассмотрим каждую тему подробней в контексте дискурсов респондентов.

Идеологизация против научной нейтральности

Отрицательное отношение со стороны научного сообщества к идеологии во многом определяется убеждением, что идеологизированность препятствует получению объективного научного знания. Довольно часто предполагается в явной или неявной формах, что существует «настоящая наука», не подверженная идеологии: «*Да, наука есть наука, наука должна быть, так же, как и у Милля: она должна быть чистой, она должна быть формальной, она должна быть математизированной, если эта наука настоящая. И в этой настоящей науке идеологию надо оставлять в сторону*» (кандидат наук, Махачкала, 58 лет).

Попытки очистить «настоящую» науку от ценностей часто связаны с благими намерениями, направленными на получение «объективного знания» о хозяйственных процессах. Однако сам подход по деидеологизации и очистке от ценностей парадоксально базируется на чётких ценностных установках: «*Ситуация, когда человек, специалист пытается науку освободить от ценностей, он тем самым, как ни странно, определённые ценности за этой наукой закрепляет. Просто, может быть, меньший набор, когда пытается её*

освободить. Это тот случай, когда, находясь в воде, невозможно будет оставаться сухим» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 52 года).

Характерная для мейнстрима формализация и математизация экономического анализа также может рассматриваться как определённого рода идеология: «*Математизированная экономическая наука ещё как идеологизирована. Потому что мы можем что-то формализовать, отбрасывая всё остальное... А дальше там ещё мы заложили какие-то свои идеи, свои представления, основные переменные факторы. Поэтому считать, что математизированная наука деидеологизирована, мне кажется, что это не совсем правильно*» (доктор наук, Красноярск, 65 лет).

Почти все участники фокус-групп признают важность проблемы идеологии в контексте развития российской экономической науки, однако качество такого влияния связано с непрекращающимися дискуссиями и требует внимания исследователей: «*Идеология может быть как импульсом к развитию науки, так и тормозом... рамки, которые мы определяем при помощи идеологии, будут определять и тренды, и механизмы, и инструменты науки. Это не всегда хорошо, потому что тогда научное знание, научное познание будет этими рамками ограничиваться*» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Поэтому шумпетерианский подход к идеологии в неявной форме часто воспроизводится в дискурсах и нарративах респондентов: «*Скорее всего, идеология формирует рамку, в которой мы осуществляем исследования. И, соответственно, идеология определяет цели, задачи нашего исследования. И вполне возможно, что экономическая наука не может существовать вне вот этой рамки... мы, с одной стороны, как исследователи, должны быть объективны, готовы к любому результату... Но изначально, поскольку мы не можем объять необъятное, мы всё равно работаем в рамках какой-то идеологии*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Идентичность и поиск «особого пути»

В современной экономической науке проблемам идентичности уделяется всё больше внимания [*Akerlof, Kranton*, 2010; *Wrenn*, 2012]. Из совершенно неэкономического фактора идентичность постепенно формирует в экономической науке значимые «ментальные рамки». Концепт национальной идентичности в свою очередь тесно связан с проблемой «особого пути». Причём сам концепт «особого пути» можно рассматривать как в контексте развития российского хозяйственного порядка, так и в контексте российской экономической науки и образования.

Респонденты с осторожностью относятся к проблематике «особого пути». Действительно, эта проблематика среди экономистов и экономических историков в постсоветской традиции чаще всего связана с отрицательными коннотациями [*Травин*, 2018; *Мамедов*, 2011; *Тамбовцев*, 2026]. Современные вызовы для российской экономики и внимание к проблеме «особого пути» так же могут ассоциироваться с популизмом: «*Что касается особого пути и национальной идентичности... боюсь, что мы можем скатиться в какой-то популизм, что у нас очень любят делать*» (кандидат наук, Москва, 38 лет).

Проблематика национальной идентичности неизбежно перетекает в экономическое образование: «*...все сейчас работают в лаборатории по созданию российской модели управления. И что берут за основу для российской модели? Это — российское купечество... Сейчас идёт новый поиск национальной идентичности, но при этом мы очень многое отрицаем. Эти большие волны часто сменяются, что очень хорошо видно на экономическом образовании: каждые 5-7 лет меняется акцент в студенческих работах*» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет). И здесь очень важно проводить глубокие исследования, которые могут показать, какие исторические примеры национальной идентичности вписываются в современную конструктивную повестку.

Проблематика идентичности и «особого пути» имеет сильный ценностный подтекст, и поэтому здесь исследования идеологических типов могут помочь в формировании системного понимания связей между ценностями, экономикой и образованием: «*Есть вот эта повестка, связанная с набором традиционных ценностей. И как я понимаю, её предлагают реализовывать в рамках, скажем, некоего идеологического типа, связанного с особым путём. Я бы сказал, что в каком-то смысле эта повестка официальная*» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 52 года).

Респонденты отмечали, что идеология «особого пути» является очень широкой в плане трактовок, исторических примеров и возможностей теоретического осмысления: «*Исходя из возможности выделения какого-то одного направления, тогда, наверное, особый путь действительно всеобъемлющ. Он как будто много в себя вбирает*» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 37 лет). Поэтому в российских условиях важно не отказываться от конструктивных исследований «особого пути» в пользу «настоящей мировой науки». И здесь перспективы институциональной экономики представляются наиболее значимыми в плане разработки новых подходов для новых исследований специфической «российской институциональной матрицы».

Границы государственного вмешательства и идеологии

Значительная часть обсуждения идеологии в экономической науке связана с ролью рынка и государственного регулирования. Это связано, в частности, с тем, что традиционно укоренилось дуалистическое понимание экономической идеологии — условно «за рынок» или «за интервенционистское государственное регулирование». В нашей концепции пяти идеальных типов идеологий вопросы государственного вмешательства могут соответствовать различного рода идеологиям или их комбинациям: «*Для меня неолиберализм, социализм и дирижизм — это про уровень вмешательства государства*» (кандидат наук, Пермь, 50 лет).

В дискурсах респондентов глубоко анализируются фундаментальные вопросы рыночной экономики, границ и последствий государственного вмешательства. Интересным представляется тезис о «жертвах» рыночной координации и связи идеологии с критериями рыночной эффективности: «*Когда М. Ротбард пишет про депрессию и говорит, что "рынок всё порешает". Вопрос, каковы жертвы? Точно так же можно встать на другую позицию и сказать, что да, государство решит все проблемы со своими "пропорциями" и так далее. Сама по себе идеология в этом смысле не подлежит критериям экономической эффективности. Потому что люди, которые занимают разные идеологические позиции, они в свою очередь считают чужие жертвы и чужие издержки*» (доктор наук, Москва, 60 лет).

Значительная часть респондентов заявила о положительном отношении к различного рода государственному регулированию экономики: «*Я не могу однозначно сказать, что я за дирижизм в его чистом виде. Но соглашусь абсолютно, что планирование — прекрасный инструмент. Мы можем рассматривать его разные направления: и как индикативное, и как директивное проявления. Но соглашусь, что дирижизм встроен абсолютно во все [идеологии]*» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 37 лет).

Также интересной и распространённой представляется точка зрения в русле «смешанной экономики», что необходимо искать компромиссы между рыночной эффективностью и социальной справедливостью: «*...нам нужно вернуться к какому-то конструкту, который бы сочетал в себе две базовых противоречащих друг другу идеологии... Это те самые неолиберализм и социализм. Если мы посмотрим на примеры скандинавского социализма... В том секторе, где это не нужно, — государство не вмешивается, всё решает рынок. Но между тем важно достаточно высокое присутствие государства в экономике. Не в том смысле, что мы вводим государственный капитализм, а что очень много социальных программ*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Важно таже отметить, что восприятие через призму идеологий рыночной экономики связано с тем, что реальные экономические порядки сложнее теоретических абстракций и требуют разнообразных «донаучных когнитивных актов» для получения релевантного понимания процессов: «*...с одной стороны, мы говорим, что у нас рыночная экономика, а она у нас давно не рыночная. Мы видим — это госкапитализм с пытающимся выжить малым и средним бизнесом, которому это очень плохо удаётся... И элементы дирижизма должны быть, потому что если государство работает, то оно должно каким-то образом планировать свою работу и так далее*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Экономический и технологический суверенитет

Наверное, одной из самых актуальных и связанных с современными вызовами является тема суверенитета. В экономическом дискурсе концепт суверенитета ранее использовался нечасто, если это конечно не был «суверенитет потребителя». В настоящее время в отечественной экономической науке появляется всё больше публикаций о различного рода суверенитетах, которые необходимо учитывать при анализе экономической политики: «*Когда мы говорим про экономику с разных сторон, надо помнить, что сама эпоха нас подталкивает к понятиям суверенитет, самодостаточность, разная степень открытости/закрытости. Поэтому этот блок тоже не стоит забывать*» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет).

Идеология национального суверенитета тесно связана с такими концептами, как патриотизм и национальные экономические интересы. Также обращение к концепту суверенитета позволяет больше учитывать институциональные особенности в современном экономическом развитии: «*Это целостная модель экономики: суды, технологический суверенитет, устойчивые внешнеэкономические связи, развитие инфраструктуры логистические потоки, товарооборот и так далее. То есть вот модель, именно модель устойчивого развития. Не только как в концепции устойчивого развития ООН..., а именно устойчивость как возможность противостоять внешним и внутренним угрозам*» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Технологический суверенитет в современных условиях в дискурсах респондентов связывается с историческими примерами, характерными для нашей страны: «*Если говорить про "идеологию инноваций", то это вообще российская практика догнать и перегнать в разных сферах*» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет).

Проблема суверенитета переплетается с различного рода экономической политикой. И здесь важными концептами являются импортозамещение и экономическая мобилизация: «*На уровне повестки, связанной с экономической политикой, определённая специфика у России есть, и мне кажется, с неким уклоном в импортозамещение и мобилизацию. Хотя, опять же, импортозамещение — это не наше уникальное изобретение. Можно привести минимум десяток кейсов, конкретных, по развитым и развивающимся странам за XX–XXI вв., которые такого рода стратегии реализовывали с разной степенью успеха*» (доктор наук Ростов-на-Дону, 52 года).

Важно отметить, что сохраняется точка зрения, тяготеющая к неолиберальному идеологическому нарративу, в рамках которого проблема суверенитета не обладает достаточной значимостью по сравнению с классическими теоретическими нарративами. Здесь проявляется такая проблема, как импортозамещение: «*Импортозамещение — это не производство телевизора Березка вместо телевизора Филлипс. Или Лады вместо Мерседеса. Здесь работает принцип сравнительных издержек. Автомобиль должен производиться по уровню, качеству, такой, как Мерседес... Их* [в историческом примере, связанном с Германией] *так и не смогли заместить, не было такого качества, уровня, который идёт в обмен по теории сравнительных издержек, чтобы было дешевле и лучше*» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 64 года).

Эволюция академической среды и экономического образования

Идеология, если её рассматривать в шумпетерианской традиции, формирует важные ориентиры не только для научных исследований, но также для построения системы экономического образования. В связи с этим респонденты отмечают специфику российского экономического образования в контексте влияния теории и идеологии на формирование мировоззрения студентов: «*У нас структура экономического образования, она очень странная. То есть на первых курсах уже даются экономическая теория, философия и так далее. Это всё то, что на Западе отодвигается в магистратуру. А именно эти курсы, они и формируют мировоззрение и мировоззрение зрелого человека… Может быть вопрос именно в том, чтобы идеологию и все эти вещи глубокие заталкивать в высшие ступени образования. Поскольку мы страна-то достаточно провинциальная с точки зрения теории модернизации. То, что говорят экономисты и объясняют про институты, про совершенство, и связывают это с душевым ВВП, оно как-то очень способствует тому, что специалисты высшей квалификации, получившие соответствующее образование и соответствующую идеологическую обработку, не стараются как-то поднимать экономику родной страны, а экспортируются куда-нибудь дальше*» (доктор наук, Москва, 60 лет).

Интересным моментом относительно восприятия идеологии является историческое, основанное на личном опыте восприятие эволюции экономического образования и научной деятельности под влиянием тех или иных идеологий: «*Я являюсь примером того старого типа студентов, которые пришли на первые курсы, где вместо политэкономии... начали изучать экономическую теорию. То есть политэкономии, капитализма и социализма у нас не было, содержание курсов было совершенно другим. У нас не было ни учебников, ничего, и преподаватели учились вместе с нами. Это такой пример из прошлого, который иллюстрирует слом идеологии*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Вопросы преподавания экономических дисциплин ожидаемо были в центре дискурса респондентов участников фокус-групп. Качество и содержание преподавания обсуждалось чаще всего в исторической ретроспективе и перспективе. Интересно, что респонденты поднимали вопросы преподавания в их связи с научными исследованиями и отмечали существующие проблемы, которые важны и для преподавания, и для науки: «*Социализм очень быстро поменялся на рыночную экономику. Рыночную экономику не знали, как преподавать. Это было совершенно очевидно. И до сих пор у меня нет ощущения, что мы понимаем, как преподавать рыночную экономику и сложилась ли она в исследовательских работах*» (кандидат наук, Красноярск, 49 лет).

Также необходимо отметить, что современные технологии и непростые процессы внутри сообщества российских учёных и преподавателей формируют среду, которая негативно влияет на понимание перспектив развития российской экономической науки, а также способствует росту тревожности: «*А сейчас я ловлю себя на том, что испытываю реально тревогу после занятий. Не высказалась ли я как-то не так… А я думаю: сейчас я выскажусь, а потом они меня как-нибудь запишут*» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 33 года).

Реформирование российского экономического образования обусловлено, с одной стороны, значимыми ценностными сдвигами в обществе, а с другой — повышением роли воспитательной функции. В этом контексте важно, чтобы реализация воспитательной функции способствовала системному и разностороннему развитию образовательного процесса: «*Мы сейчас находимся на перепутье. То есть вот эта экономическая теория, которую раньше мы преподавали: макроэкономика и переводные учебники и так далее. Они сместили экономическое образование в одну сторону. А сейчас, мне кажется, наоборот, будет больше воспитательная функция, попытка наполнить экономическое образование какими-то патриотическими идеями*» (кандидат наук, Москва, 70 лет).

В своих дискурсах респонденты отмечали влияние различных типов идеологий на современное российское образование: «*Лет пять назад... нам приходилось перекраивать учебные планы, сокращать практики... потому что нам всем сказали: "у вас в учебных планах обязательно должны быть зелёные компетенции"... Что мы видим сейчас? Мы ещё больше порезали практики... потому что сейчас у нас довлеет, как правильно отметили коллеги, идеология "особого пути". И у нас появляются вот эти все предметы, которые показывают "особый путь" российского развития: патриотические всяческие элементы, "духовно-нравственные" ценности*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года). В данном контексте важно соблюдать меру и пропорции между особенным и общим в современной экономической науке. Для этого важно давать студентам глубокие знания по истории экономической мысли, уделяя особое внимание российским учёным и их наследию.

Идеология и интернационализация экономической науки

Десять лет назад, в 2016 г. А.А. Мальцев назвал основной проблемой в развитии российского академического сообщества экономистов «необходимость интеграции в мировую науку» [*Мальцев*, 2016. С. 154]. Данная проблема получила отражение в дискурсах респондентов наших фокус-групп.

Ожидаемо респонденты отметили важность интернационализации науки и опыт российской университетской науки и образования в этом направлении: «*Потому что всё-таки не может быть местечковой науки. И когда мы открываемся миру и изучаем сами работы, не говоря, что это хорошо или плохо, а просто доводим до студентов: американские, британские, японские, китайские, северокорейские. Чем богаче мир, который мы показываем студентам, тем лучше. Поэтому, когда мы открылись миру и начали учить студентов рыночной экономике, и показывали преимущества рынка — это было позитивное влияние*» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Идеологический характер интернационализации науки также отмечается респондентами. Важным представляется мнение, что идеология влияет не только на используемые «ментальные рамки», но и на образовательные практики: «*Как преподаватель вуза поддерживаю, что экономическая идеология очень влияет на экономическое образование. Это касается и системы отношений: то мы можем использовать зарубежный опыт и исследования, то это затруднено или запрещено. Мы обязаны вставлять в дипломы зарубежный опыт и без этого защита не состоится, или наоборот, нужно анализировать только российские практики или опыт дружественных стран. И последние 15 лет это меняется каждые 3–4 года*» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет).

Респонденты отмечают важность «поколенческого разрыва» в понимании влияния идеологии на процессы внутри академического сообщества: «*Пока существует много поколений, которые выросли в разных идеологиях, это практически невозможно* [определить в какой идеологии мы живем]... *Пока существуют поколения, которые ещё помнят социализм, или наоборот, поколение, прошедшее обучение за рубежом — молодые люди, которые видели типичный неолиберализм. То есть экономика и экономическая наука будут всегда метаться между интересами этих людей, пока не произойдёт поколенческого выравнивания*» (кандидат наук, Москва, 70 лет).

Важность интернационализации экономической науки, о которой много говорили российские ведущие экономисты в современных условиях, приобрела несколько иные коннотации. Прежде всего стала очевидной проблема осмысления места российской экономической науки в образовании: «*Если сравнивать экономическое образование на протяжении последних, наверное, 40 лет, то мы получали экономическое образование в условиях плановой экономики, и это была одна система знаний... Потом начался процесс перехода к рыночной экономике, и система экономического образования полностью стала основываться на*

исследованиях, на теориях и концепциях зарубежных авторов... И российских исследований было очень мало, было очень мало российских теорий... Сейчас у нас пошёл "следующий цикл"... Идёт процесс формирования нашей отечественной экономической и управленческой науки» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Несколько заключительных замечаний

Идеология в экономической науке относится к таким концептам, которые, с одной стороны, «всем хорошо известны», а с другой — встречает стойкое сопротивление под предлогом, что «где есть идеология, там нет настоящей науки». Наш подход к исследованию экономических идеологий основывается на шумпетерианской традиции, согласно которой из исследовательского процесса невозможно исключить идеологию как «донаучный когнитивный акт». И если идеологию нельзя исключить, то её надо идентифицировать и сопоставлять с используемыми теориями и моделями, теоретическими нарративами и программами реформ.

В настоящее время экономисты, которые исследуют проблемы, связанные с идеологией, концентрируют внимание на дуалистическом подходе: «за рынок» (рыночная идеология) и «против рынка» (интервенционистская идеология). В рамках нашего подхода мы используем пять идеальных типов экономических идеологий: неолиберализм, социализм, дирижизм, экологизм и «особый путь». Наше исследование показало, что в реальной исследовательской практике используются комбинации этих идеальных типов идеологий.

Качественные исследования дискурсов академических экономистов дают богатый материал для понимания современного идеологического состояния российской экономической науки. Такие исследования, наряду с количественными, способствуют достижению более полного понимания сложных процессов как в реальной экономике, так и в академической среде. Это позволяет с осторожным оптимизмом смотреть на перспективы идеологического развития российской экономической науки, которое учитывает важные исторические и институциональные особенности развития российского хозяйственного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

Агацци Э. (2017). *Научная объективность и её контексты*. — М.: Прогресс-Традиция.

Ананьин О.И. (2009). За «экономический империализм» без имперских амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 130–139.

Бегельсдайк Ш., Маселанд Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. — М.: Издательство Института Гайдара.

Вольчик В.В. (2025). Идеология, цифровая экономика и промпт-знание // *AlterEconomics*. № 1. С. 66–82. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.6

Вольчик В.В. (2026). Российская мечта и экономические идеологии // *Journal of Institutional Studies*. Т. 18. № 2. С. 20–39. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.020-039

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Марьян П.А., Скрябин М.В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. № 4. С. 42–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059.

Квале С. (2003). *Исследовательское интервью*. — М.: Смысл.

Кейнс Д.М. (2007). Комментарий к «Метод профессора Тинбергена» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 37–45. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-4-37-45.

Колодко Г.В. (2011). Экономические основы кризиса или кризис экономической науки? // *Мир перемен*. № 1. С. 29–38.

Мальцев А.А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // *Вопросы экономики*. № 11. С. 135–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-135-158.

Мамедов О.Ю. (2011). Три императива цивилизованной экономики // *Terra Economicus*. Т. 9. № 4. С. 5–8.

Никитский клуб. (2026). Экономика России и геополитические вызовы. Вып. 145. — М.

Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // *AlterEconomics*. № 1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.

Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 46–66.

Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.

Сухих В.В. (2025). Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий // *AlterEconomics*. № 1. С. 54–65. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5.

Тамбовцев В.Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия // *Вопросы экономики*. № 10. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-5-27.

Тамбовцев В.Л. (2026). Экономическая идеология «особого пути»: к причине разнообразия трактовок // *Journal of Institutional Studies*. Т. 18. № 2. С. 6–19. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.006-019.

Травин Д.Я. (2018). *«Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология // *Философия экономики. Антология* / Под ред. Д. Хаусмана. — М.: Издательство Института Гайдара.

Ahmed S.K., Mohammed R.A., Nashwan A.J., Ibrahim R.H., Abdalla A.Q., Ameen B.M.M., Khdhir R.M. (2025). Using thematic analysis in qualitative research // *Journal of Medicine, Surgery, and Public Health*. Vol. 6. Pp. 100198. DOI: 10.1016/j.glmedi.2025.100198.

Akerlof G.A., Kranton R.E. (2010). *Identity economics: How our identities shape our work, wages, and Well-being*. — Princeton: Princeton University Press.

Braun V., Clarke V. (2022). Thematic analysis: A practical guide. — London: SAGE Publications.

Chaiechi T., Eijdenberg E.L. (2022). Entrepreneurship, Knowledge-Economy and economic success of cities: A scoping review and thematic analysis // *Community Empowerment, Sustainable Cities, and Transformative Economies*. Pp. 73–94. DOI: 10.1007/978-981-16-5260-8_6.

Cyr J. (2024). Focus Groups // *Doing Good Qualitative Research* / Ed. by J. Cyr, S. W. Goodman. — Oxford: University Press. DOI: 10.1093/oso/9780197633137.003.0019.

Drápal J., Westermann, H., Savelka J. (2023). Using Large Language Models to Support Thematic Analysis in Empirical Legal Studies // *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*. Vol. 379. Pp. 197–206. DOI: 10.3233/FAIA230965.

Fife S.T., Gossner J.D. (2024). Deductive qualitative analysis: Evaluating, expanding, and refining theory // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 23. Pp. 1–12. DOI: 10.1177/16094069241244856.

Glötzl F., Aigner E. (2019). Six Dimensions of Concentration in Economics: Evidence from a Large-Scale Data Set // *Science in Context*. Vol. 32. No. 4. Pp. 381–410. DOI: 10.1017/S0269889720000034.

Heckathorn D.D., Cameron C. J. (2017). Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. Pp. 101–119. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053556.

Joffe H. (2011). Thematic analysis // *Qualitative research methods in mental health and psychotherapy: A guide for students and practitioners*. Pp. 209–223. DOI: 10.1002/9781119973249.ch15.

Kamberelis G., Dimitriadis G. (2013). *From structured interviews to collective conversations*. — New York: Routledge.

Kapeller J., Puehringer S., Grimm C. (2022). Paradigms and policies: the state of economics in the German-speaking countries // *Review of International Political Economy*. Vol. 29. No. 4. Pp. 1183–1210. DOI: 10.1080/09692290.2021.1904269.

Kiger M.E., Varpio L. (2020). Thematic analysis of qualitative data: AMEE Guide No. 131 // *Medical Teacher*. Vol. 42. No. 8. Pp. 846–854. 10.1080/0142159X.2020.1755030.

Klein D.B. (2013). The ideological migration of the economics laureates: Introduction and overview // *Econ. Journal Watch*. Vol. 10. No. 3. Pp. 218–239.

Kutsyuruba B. (2023). Document analysis // *Varieties of qualitative research methods: Selected contextual perspectives*. — Cham: Springer International Publishing. Pp. 139–146.

Lochmiller C.R. (2021). Conducting thematic analysis with qualitative data // *The Qualitative Report*. Vol. 26. No. 6. Pp. 2029–2044. DOI: 10.46743/2160-3715/2021.5008.

Mahmood A., Naveed R. T., Ahmad N., Scholz M., Khalique M., Adnan M. (2021). Unleashing the barriers to CSR implementation in the SME sector of a developing economy: A thematic analysis approach // *Sustainability*. Vol. 13. No. 22. Pp. 12710. DOI: 10.3390/su132212710.

North D.C. (1994). Economic performance through time // *The American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. Pp. 359–368.

Riggs D.W., Bartholomaeus C., Due C. (2016). Public and private families: A comparative thematic analysis of the intersections of social norms and scrutiny // *Health Sociology Review*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–17. DOI: 10.1080/14461242.2015.1135071.

Ross D. (1991). *The origins of American social science*. — New York: Cambridge University Press.

Samuels W. J. (1992). Ideology in Economics // W. J. Samuels. *Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. — London: Palgrave Macmillan. Pp. 233–248. DOI: 10.1007/978-1-349-12371-1_12.

Shleifer A., Treisman D. (2003). A Normal Country // *NBER Working Paper* No. 10057. DOI: 10.3386/W10057.

Skidelsky R. (2020). *What's wrong with economics?: a primer for the perplexed.* — New Haven.

Strang K.D., Che F., Vajjhala N.R. (2022). Thematic analysis of agricultural government policy and operational problems // *Agricultural Research*. Vol. 11. No. 3. Pp. 549–556. DOI: 10.1007/s40003-021-00588-2.

Stueber K.R. (2019). The ubiquity of understanding: Dimensions of understanding in the social and natural sciences // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 49. No. 4. Pp. 265–281. DOI: 10.1177/0048393119847103.

Tetlock P.E. (2005). *Expert political judgement: How good is it? How can we know?* — Princeton: Princeton University Press.

Tetlock P.E., Gardner D. (2015). *Superforecasting: The art and science of prediction*. Vol. 221. — New York: Crown Publishers.

Watters J.K., Biernacki P. (1989). Targeted sampling: Options for the study of hidden populations // *Social Problems*. Vol. 36. No. 4. Pp. 416–430. DOI: 10.2307/800824.

Wrenn M.V. (2012). Agency, identity, and the great crisis: A Veblenian perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 46. No. 2. Pp. 403–410. DOI: 10.2753/JEI0021-3624460215.

REFERENCES

Akerlof G.A., Kranton R.E. (2010). *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-being.* — Princeton: Princeton University Press.

Ahmed S.K., Mohammed R.A., Nashwan A.J., Ibrahim R.H., Abdalla A.Q., Ameen B.M.M., Khdhir R.M. (2025). Using Thematic Analysis in Qualitative Research // *Journal of Medicine, Surgery, and Public Health.* Vol. 6. Pp. 100198. DOI: 10.1016/j.glmedi.2025.100198.

Agazzi E. (2017). *Scientific Objectivity and Its Contexts.* — M.: Progress-Traditsiya. (In Russ.).

Ananyin O.I. (2009). For «Economic Imperialism» without Imperial Ambitions, or on the Forms of Interdisciplinary Interactions // *Social Sciences and Contemporary World.* No. 6. Pp. 130–139. (In Russ.).

Beugelsdijk S., Maseland R. (2016). *Culture in Economic Science: History, Methodological Reflections, and Areas of Practical Application in the Modern Era.* — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).

Braun V., Clarke V. (2022). *Thematic Analysis: A Practical Guide.* — London: SAGE Publications.

Chaiechi T., Eijdenberg E.L. (2022). Entrepreneurship, Knowledge-Economy and Economic Success of Cities: A Scoping Review and Thematic Analysis // *Community Empowerment, Sustainable Cities, and Transformative Economies.* Pp. 73–94. DOI: 10.1007/978-981-16-5260-8_6.

Cyr J. (2024). Focus Groups // *Doing Good Qualitative Research* / Ed. by J. Cyr, S.W. Goodman. — Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780197633137.003.0019.

Drápal J., Westermann H., Savelka J. (2023). Using Large Language Models to Support Thematic Analysis in Empirical Legal Studies // *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications.* Vol. 379. Pp. 197–206. DOI: 10.3233/FAIA230965.

Fife S.T., Gossner J.D. (2024). Deductive Qualitative Analysis: Evaluating, Expanding, and Refining Theory // *International Journal of Qualitative Methods.* Vol. 23. Pp. 1–12. DOI: 10.1177/16094069241244856.

Glötzl F., Aigner E. (2019). Six Dimensions of Concentration in Economics: Evidence from a Large-Scale Data Set // *Science in Context.* Vol. 32. No. 4. Pp. 381–410. DOI: 10.1017/S0269889720000034.

Heckathorn D.D., Cameron C.J. (2017). Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling // *Annual Review of Sociology.* Vol. 43. Pp. 101–119. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053556.

Joffe H. (2011). Thematic Analysis // *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners*. Pp. 209–223. DOI: 10.1002/9781119973249.ch15.

Kamberelis G., Dimitriadis G. (2013). *From Structured Interviews to Collective Conversations.* — New York: Routledge.

Kapeller J., Puehringer S., Grimm C. (2022). Paradigms and Policies: The State of Economics in the German-Speaking Countries // *Review of International Political Economy.* Vol. 29. No. 4. Pp. 1183–1210. DOI: 10.1080/09692290.2021.1904269.

Keynes J.M. (2007). Commentary on «Professor Tinbergen's Method» // *Voprosy ekonomiki.* No. 4. Pp. 37–45. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2007-4-37-45.

Kiger M.E., Varpio L. (2020). Thematic Analysis of Qualitative Data: AMEE Guide No. 131 // *Medical Teacher.* Vol. 42. No. 8. Pp. 846–854. DOI: 10.1080/0142159X.2020.1755030.

Klein D.B. (2013). The Ideological Migration of the Economics Laureates: Introduction and Overview // *Econ. Journal Watch.* Vol. 10. No. 3. Pp. 218–239.

Kolodko G.V. (2011). Economic Foundations of the Crisis or the Crisis of Economic Science? // *Mir peremen.* No. 1. Pp. 29–38. (In Russ.).

Kvale S. (2003). *Research Interview*. — M.: Smysl. (In Russ.).

Kutsyuruba B. (2023). Document Analysis // *Varieties of Qualitative Research Methods: Selected Contextual Perspectives.* — Cham: Springer International Publishing. Pp. 139–146. DOI: 10.1007/978-3-031-04394-9_23.

Lochmiller C.R. (2021). Conducting Thematic Analysis with Qualitative Data // *The Qualitative Report.* Vol. 26. No. 6. Pp. 2029–2044. DOI: 10.46743/2160-3715/2021.5008.

Mahmood A., Naveed R.T., Ahmad N., Scholz M., Khalique M., Adnan M. (2021). Unleashing the Barriers to CSR Implementation in the SME Sector of a Developing Economy: A Thematic Analysis Approach // *Sustainability.* Vol. 13. No. 22. P. 12710. DOI: 10.3390/su132212710.

Maltsev A.A. (2016). The Russian Community of Economists: Features and Prospects // *Voprosy ekonomiki*. No. 11. Pp. 135–158. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-135-158.

Mamedov O.Yu. (2011). Three Imperatives of a Civilized Economy // *Terra Economicus*. Vol. 9. No. 4. Pp. 5–8. (In Russ.).

Nikitsky Club. (2026). *The Russian Economy and Geopolitical Challenges*. Issue 145. — M. (In Russ.).

North D.C. (1994). Economic Performance through Time // *The American Economic Review.* Vol. 84. No. 3. Pp. 359–368.

Orekhovsky P.A., Razumov V.I. (2025). Economic Theory "of the Blackboard": Between Reality and Simulacrum // *AlterEconomics*. No. 1. Pp. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4. (In Russ.).

Polterovich V.M. (1998). The Crisis of Economic Theory // *Economics of Contemporary Russia.* No. 1. Pp. 46–66. (In Russ.).

Polterovich V.M. (2011). The Formation of General Social Analysis // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. Pp. 101–111. (In Russ.).

Riggs D.W., Bartholomaeus C., Due C. (2016). Public and Private Families: A Comparative Thematic Analysis of the Intersections of Social Norms and Scrutiny // *Health Sociology Review.* Vol. 25. No. 1. Pp. 1–17. DOI: 10.1080/14461242.2015.1135071.

Ross D. (1991). *The Origins of American Social Science*. — New York: Cambridge University Press.

Samuels W.J. (1992). Ideology in Economics // *Essays on the Methodology and Discourse of Economics.* — London: Palgrave Macmillan. Pp. 233–248. DOI: 10.1007/978-1-349-12371-1_12.

Schumpeter J. (2012). Science and Ideology // *Filosofiya ekonomiki.* Antologiya / Ed. by D. Hausman. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).

Shleifer A., Treisman D. (2003). A Normal Country // *NBER Working Paper* No. 10057. DOI: 10.3386/W10057.

Skidelsky R. (2020*). What's Wrong with Economics? A Primer for the Perplexed*. — New Haven.

Strang K.D., Che F., Vajjhala N.R. (2022). Thematic Analysis of Agricultural Government Policy and Operational Problems // *Agricultural Research*. Vol. 11. No. 3. Pp. 549–556. DOI: 10.1007/s40003-021-00588-2.

Stueber K.R. (2019). The Ubiquity of Understanding: Dimensions of Understanding in the Social and Natural Sciences // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 49. No. 4. Pp. 265–281. DOI: 10.1177/0048393119847103.

Sukhikh V.V. (2025). Digital Revolution, Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias // *AlterEconomics.* No. 1. Pp. 54–65. (In Russ.). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5.

Tambovtsev V.L. (2024). Economic Ideology: Variants of Understanding and Application of the Concept // *Voprosy ekonomiki.* No. 10. Pp. 5–27. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-5-27.

Tambovtsev V.L. (2026). Economic Ideology of the "Special Path": On the Reason for the Diversity of Interpretations // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 18, No. 2. Pp. 6–19. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.006-019.

Tetlock P.E. (2005). *Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know?* — Princeton: Princeton University Press.

Tetlock P.E., Gardner D. (2015). *Superforecasting: The Art and Science of Prediction*. Vol. 221. — New York: Crown Publishers.

Travin D.Ya. (2018). *The «Special Path» of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky.* — Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press. (In Russ.).

Volchik V.V. (2025). Ideology, Digital Economy, and Prompt Knowledge // *AlterEconomics.* No. 1. Pp. 66–82. (In Russ.). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.6.

Volchik V.V., Maslyukova E.V., Maryan P.A., Skryabin M.V. (2024). An Empirical Study of the Ideological Component in Russian Economic Science // *Journal of Institutional Studies*. No. 4. Pp. 42–59. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059.

Volchik V.V. (2026). The Russian Dream and Economic Ideologies // *Journal of Institutional Studies.* Vol. 18. No. 2. Pp. 20–39. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.020-039.

Watters J.K., Biernacki P. (1989). Targeted Sampling: Options for the Study of Hidden Populations // *Social Problems*. Vol. 36. No. 4. Pp. 416–430. DOI: 10.2307/800824.

Wrenn M.V. (2012). Agency, Identity, and the Great Crisis: A Veblenian Perspective // *Journal of Economic Issues.* Vol. 46. No. 2. Pp. 403–410. DOI: 10.2753/JEI0021-3624460215.

Вольчик Вячеслав Витальевич
ORCID 0000-0002-0027-3442
volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik
DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don
ORCID 0000-0002-0027-3442
volchik@sfedu.ru

IDEOLOGIES IN THE DISCOURSES OF ACADEMIC ECONOMISTS (Based on Focus Group Data)[2]

Abstract. This article examines ideologies in the discourse of Russia's academic community of economists. Drawing on the Schumpeterian tradition, ideology is conceptualized as an irreducible "pre-scientific cognitive act" that shapes both economic modelling and the content of educational curricula. The empirical material consists of three focus groups conducted between April and June 2026 with 24 members of the academic community representing six federal districts of Russia. The focus-group transcripts were analysed using latent thematic analysis aimed at identifying respondents' implicit value orientations, conceptual frameworks, and the organizing meanings embedded in their statements. The analysis of the focus-group transcripts identified six themes: ideological commitment versus scientific neutrality; identity and the search for a "special path"; the boundaries of state intervention and ideology; economic and technological sovereignty; the evolution of the academic environment and economics education; and ideology and the internationalization of economics. The findings show that focus-group participants generally do not regard ideology solely as an external distorting influence on science. Rather, they understand ideology simultaneously as an unavoidable framework of economic inquiry, a potential source of constraints, and a possible stimulus for the development of new research agendas. The discourse of economists is characterized not by isolated ideological positions, but by combinations of different ideal types of ideology. The study opens new avenues for investigating the influence of ideological factors on the development of scholarly schools and educational practices. It underscores the need for further research into the ideological foundations of economic knowledge, the advancement of theoretical pluralism, and the expansion of dialogue among different strands of Russian economic thought.

Keywords: *economic ideologies, Russian economic science, thematic analysis, scientific discourse, theoretical narratives, economic education.*
JEL: A14, A22, B41.

[2] Acknowledgments: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/. "Ideological landscape of Russian economic science" at Southern Federal University.